

УДК 821.161.1
ББК 83.3(4Рос)

Тополова Ольга Сергеевна,
аспирант,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
ул. Свободы, д. 46, 390000 г. Рязань, Российская Федерация
E-mail: topolova.olga@yandex.ru

**«РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК ПРОШЛАГО ВЕКА
ЗА ГРАНИЦЕЮ (СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПИСЬМА
А. С. ШИШКОВА 1776 И 1777 ГГ.)»:
ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОГО «ПУТЕШЕСТВИЯ»**

Аннотация: Статья повествует об основных особенностях структурно-композиционной организации эпистолярных «путешествий» второй половины XVIII в. на примере «Собственноручных писем А. С. Шишкова 1776 и 1777 гг.». Путевые письма А. С. Шишкова относятся к интимно-дружеской разновидности бытового письма, которое сложилось в этот период. Одновременно с этим процессом во второй половине XVIII в. происходило формирование новых родовидовых форм, таких, как эпистолярное «путешествие», эпистолярный путевой очерк и эпистолярный роман. В сочинении А. С. Шишкова совмещены традиции трёх жанровых систем — автобиографической, путевой и эпистолярной литературы, что отразилось на сюжетно-композиционной структуре произведения. Пейзажные описания, чужая речь, вставные эпизоды, лирические отступления, диалогичность, очерки различных тематических групп активно используются А. С. Шишковым при написании «Собственноручных писем», цель которых не просто воссоздать «чужое», заграничное бытие, а пропустить увиденное через свой внутренний мир и, осмыслив его, передать в новом свете читателю, предполагаемому адресату, что способствовало развитию психологических тенденций в художественно-документальной литературе и индивидуально-авторских стилях.

Ключевые слова: автобиографическая, путевая и эпистолярная литература, письма, эпистолярное «путешествие», структурная организация, путевой очерк, А. С. Шишков.

XVIII век в русской литературе ознаменовал новый этап в развитии эпистолярного жанра, когда были созданы благоприятные условия для появления ряда произведений в жанре письма. С середины XVIII в. письмо существовало в бытовой сфере как единственно доступный способ связи в стране. В этот период сложились две разновидности бытового письма — деловое и интимно-дружеское [7]. Изучением жанровых особенностей этих видов письма занимались такие литературо-

веды, как Л. П. Гроссман [2], Р. М. Лазарчук [3], Я. Л. Левкович [4], Л. В. Логунова [7], Г. П. Макогоненко [8], Н. Л. Степанов [9] и др.

Как отмечают исследователи Л. В. Логунова и Н. Л. Степанов, в процессе перехода от классицизма к сентиментализму в литературе обнаружился кризис канонических жанров, не способных более отвечать требованиям времени и задачам литературы. Ко второй половине XVIII в. к письму как к самостоятельному жанру начали обращаться для решения определённых стилистических задач, для писателя оно превратилось в «лабораторию для языковых экспериментов» [7, с. 4; 9, с. 76].

В 60–80-е гг. XVIII в. большое внимание к эпистолярному было вызвано рядом причин, самой существенной из которых стало распространение идей Просвещения, проникавших в Россию посредством европейской эпистолярной литературы. Богатство идейного содержания, новые приёмы композиционного решения произведений европейских авторов стали предметом подражания для русских писателей на долгие десятилетия.

Другой характерной особенностью отечественной эпистолярной литературы обозначенного периода является проникновение письма в такие жанрообразования, какими становятся в XVIII в. «путешествие», путевой очерк, роман. В результате синтеза происходило формирование новых родовидовых форм — эпистолярное «путешествие», эпистолярный путевой очерк и эпистолярный роман. Примером одной из таких жанровых модификаций являются письма А. С. Шишкова «Русский путешественник прошлаго века за границую (Собственноручные письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 гг.)».

Александр Семёнович Шишков, русский писатель и государственный деятель, получивший образование в Морском кадетском корпусе, в 70-е гг. совершил два путешествия: первое в 1771 г. — из Архангельска через Белое море и вокруг Европы, которое закончилось кораблекрушением у острова Борнгольм, и второе в 1776 г. — из Петербурга в Турцию. Впечатления, полученные в результате последнего, сохранились в ряде писем А. С. Шишкова, изданных в России в конце 1890-х гг., через 50 лет после смерти их автора, профессором Санкт-Петербургского университета И. В. Помяловским [11].

Путевые письма А. С. Шишкова относятся к интимно-дружеской разновидности бытового письма, поскольку представляют собой личную переписку автора с близким другом. Название «Русский путешественник прошлаго века за границую» было дано издателем с целью придать им композиционную и сюжетную завершенность, сделать более удобными для читательского восприятия. В том числе для этого сочинение было напечатано не в одном номере журнала «Русская старина», а в течение трёх последующих друг за другом. Своя функция была и у подзаголовка «Собственноручные письма», который указывал на принадлежность текста конкретному автору, а также на отсутствие его литературной обработки издателем. Термин «собственноручный» широко употреблялся в русской литературе XVIII в. и дословно обозначал «написанный собственной рукой, лично», например, «Собственноручные письма и записки императрицы Екатерины II к А. В. Храповицкому 1783–1793 гг.», «Собственноручные записки о жизни своей епископа Иосафа

(Горленко), путешествие в свете сем грешника Иосафа, игумена Мгарского» и т.д. Чаще всего к данному понятию прибегали при создании автобиографических произведений. Таким образом, в заглавии сочинения А. С. Шишкова совмещены традиции трёх жанровых систем — автобиографической, путевой и эпистолярной литературы.

Показательным в определении жанровой природы текста является анализ сюжетно-композиционной структуры путевых писем А. С. Шишкова, прежде всего соответствующей эпистолярной традиции.

Сочинение А. С. Шишкова состоит из 27 писем, которые датированы с указанием числа и месяца и года. Дата первого — 2 августа 1776 г., последнего — 15 марта 1777 г. Однако временной отрезок самого путешествия шире, так как оно началось 15 июня 1776 г.: «Пятаго на десять числа іюня мѣсяца въ семьмомъ часу пополудни, поднявъ якорь и рапустя паруса, отправились мы въ предписанный намъ путь» [11, с. 410]. Текст разделён на две части, каждая из которых соответствует 1776 и 1777 г. При этом каждому письму издателем присвоен порядковый номер с целью упорядочить и придать системность тексту. Одновременно с этим отмечаем, хронологическая последовательность путешествия, изложенная в письмах и бывшая в реальности, не совпадают, поскольку литературная версия подчинена движению авторской мысли, что и было свойственно эпистолярной литературе. Первое письмо от 2 августа 1776 г. создано и отправлено адресату в момент, когда А. С. Шишков находился «при выходѣ изъ англійскаго канала въ Западный океанъ» [11, с. 410], т. е. на несколько дней позже начала самого путешествия.

В соответствии с эпистолярной традицией автор создавал письма по мере необходимости, в связи с чем промежуток времени между записями достаточно большой: от нескольких дней до нескольких недель. Так, письмо о пребывании А. С. Шишкова в Ливорне датировано 2 октября, а следующее составлено 23 октября в Пизе. Сам автор-повествователь объясняет это так: «Что я къ тебѣ давно не писалъ, тому причиною было наше путешествіе, которому теперь же сдѣлаю описаніе» [11, с. 619].

В первом же письме А. С. Шишков указывает, что его сочинения являются последовательным рассказом о путешествии, определяя тем самым предмет повествования, характерный для путевой литературы: «Я возвращаюся къ самому началу нашего похода, и буду отъ сего числа по-дневно увѣдомлять тебя обо всемъ, что съ нами впередъ во время нашего путешествія случаться будетъ. Может статься письмо сіе сдѣлается на послѣдокъ такую книгу, на прочтеніе которой не достанеть и цѣлыхъ сутокъ, но я, однако жъ, уповаю, или по крайней мѣрѣ столько льщуся, что оно тебѣ не будетъ противно» [11, с. 410]. В последующих письмах хронологическое изложение материала о путешествии совпадает с его реальным ходом. А. С. Шишков уведомляет о дате того или иного события, например: «двадцать седьмаго числа», «перваго числа іюня мѣсяца», «осьмаго на десять іюля», «пятого числа по утру».

В то же время письма имеют присущие эпистолярному жанру устойчивые композиционные элементы: обращения к адресату в начале и в тексте письма

(«любезный друг!»), заверения в дружбе и уважении в конце послания («не забывай почитать меня своим другомъ, которымъ я тебѣ завсегда есть и буду» [11, с. 423]), прощание с адресатом («Между тѣмъ прости, желаю тебѣ быть болѣе веселу и покойну, нежели я» [11, с. 416]; «Прощай теперъ на время» [11, с. 421]). Писатель-путешественник всегда сообщает в письмах о своём внутреннем состоянии («Однакожь, я так сегодня записался, что насилу держу въ рукахъ перо; и такъ, позволь и мнѣ, <...> самому немного отдохнуть и оставить продолженіе о нашемъ путешествіи до завтра» [11, с. 623]), уведомляет адресата о продолжении или завершении переписки («Изь сего мѣста я думаю, что пишу къ тебѣ уже послѣднее письмо»; «Продолженіе будетъ впереди, а сегодня намѣренъ я походить нѣсколько по городу и потомъ идти въ театръ, чего ради я оставляю теперъ удовольствіе больше къ тебѣ писать, а буду стараться наградить въ другое время» [11, с. 625]). Помимо того, что письма объединены одним автором-повествователем, в начале каждого сообщения содержатся отступления, выполняющие связующую функцию с предшествующим текстом: «Я опять принимаюсь за перо, но не имею тебѣ новаго сказать» [11, с. 416]; «Суетливость и хлопоты не допустили меня прежде сегодняшняго дня къ тебѣ отписать» [11, с. 420].

Вместе с тем композиция отдельных писем характеризуется наличием вставных элементов, нарушающих принцип линейности. Это *письма, содержание которых сохраняется в пересказе путешественника* («Сегодня получилъ я отъ одного изъ моихъ пріятелей съ “Сѣвернаго орла”, письмо, которое при семъ и тебѣ сообщаю»), и *послания, включающие формы чужой речи* («Мнѣ случилось однажды слышать отъ челоуѣка, намъ съ тобою знакомаго, который, будучи совсѣмъ не морской, говорилъ такъ: “какіе у насъ худые мореплаватели, что проходя по одному мѣсту разъ двадцать, послѣ не могутъ хорошенько пройти по оному”» [11, с. 414]; «Сказываютъ, что дюкъ Альбертъ Саквсонскій говариваль, что не должно его показывать иностраннымъ, какъ только по праздникамъ и воскресеньямъ: столь онъ цѣнил красоту онаго!» [11, с. 624]). Сюда же относим *цитаты в тексте*, позволяющие воссоздать культурно-историческое пространство не только через описание видимых объектов. Так, А. С. Шишков упоминает книгу М. Кочина, содержащую рассказ об Италии. По словам путешественника, автор этой книги был королевским живописцем, много ездил по Италии и подробно описал её достопримечательности в своём сочинении: «Можно читать о семъ на французскомъ языкѣ книгу, называемую Voyage d'Italie, par M. Cochin, который самъ бывъ королевскій рѣзчикъ и живописецъ, ѣздилъ по всей Италіи долго и сдѣлалъ собраніе многимъ достопамятнымъ вещамъ, заключающимся въ оной» [11, с. 627].

Событийный ряд текста А. С. Шишкова расширяют вставные эпизоды, к числу которых относится описание содержания комедии об англичанине Вильсоне и его семье, по объёму занимающее 6 листов, и рассказ о разоблачении самозванца, выдающего себя за «брауншвейгского принца», который «забралъ было въ долгъ нѣкоторое число денегъ у купцовъ, но какъ вскорѣ открылося, что онъ не что иное какъ самозванецъ и обманщикъ, то отняты у него назадъ деньги, и онъ, будучи безчестнымъ образомъ выгнанъ изъ города, отправился въ Ливорву» [11, с. 207].

Дескриптивные элементы композиции реализованы также в пейзажных зарисовках, которые можно разделить на три группы: море, садово-парковое искусство, населённые пункты.

Описаниями первой группы насыщены все письма А. С. Шишкова. Традиция морских пейзажей восходит к жанру древнерусских хождений, но развёрнутые маринистические картины, по словам С. Н. Травникова, появляются в путевой литературе только с XV в. и активно развиваются в конце XVII – начале XVIII вв. в связи с появлением в России торгового и военного флота. Именно в этот период в изображении моря главным предметом поэтизации становится человек, в морских зарисовках появляются черты индивидуально-авторских стилей, картины моря отличаются большим динамизмом и внутренним напряжением, в пейзаже появляются звук и цвет с присущей им полифункциональностью, динамика описаний в пейзаже переводится во внутренний психологический план [10, с. 103].

В письмах А. С. Шишкова эта традиция находит своё творческое воплощение и дальнейшее развитие. С одной стороны, автор-повествователь достаточно лаконично фиксирует состояние природной стихии во время плавания, с другой — мы наблюдаем, как оно сливается с внутренним состоянием самого повествователя. В частности, море может вызывать у него чувство страха, неприязни, ощущение скуки, в связи с чем и его описание выстраивается в тёмных и мрачных тонах с преобладанием оценочной лексики с пейоративным значением: «на морѣ всего *несноснее противные* вѣтры, особливо когда они еще бывають крѣпкіе. Вчера претерпѣли мы жестокою бурю, сегодня также вѣтеръ очень силенъ, волненіе превеликое, фрегатъ нашъ изъ стороны въ сторону бросаетъ *ужасно*, и надежды къ переменѣ вѣтра не видно ни какой. Нѣтъ ничего *досаднѣе* сей погоды: все трещить, все падаетъ, все ломается, и нигдѣ спокойнаго мѣста обрѣсти не можно» [11, с. 410]. Чувство тоски и скуки сопутствует описаниям морской стихии: «скука и болѣзнь не даютъ и подумать объ удовольствіи» [11, с. 410], «Вѣтеръ замучилъ! Боремся непрестанно съ волнами, а впередъ не подвигаемся ни мало. Дожди и худыя погоды еще болѣе умножаютъ нашу скуку» [11, с. 416], «Суровость зимних непогодъ, свирѣпство моря, трудъ и неизвѣстность притомъ нашего похода дѣлають мнѣ часто неприятныя воображенія, которыми иногда противъ воли моей мысли мои наполняются. Скука моя ведетъ меня къ жалобамъ» [11, с. 211]. Сопровождение автором фактического материала собственными переживаниями, чувствами связано с развитием сентиментализма в отечественной литературе и влиянием европейских образцов жанра «путешествие», прежде всего «Сентиментального путешествия» Л. Стерна, в произведении которого «доминирует над описательным материалом личность повествователя» [1, с. 23–24]. Не случайно маринистические картины в письмах А. С. Шишкова одновременно являются и источником авторских размышлений. Так, шторм на море, тоска по родине подтолкнули путешественника к философско-этическим обобщениям относительно дружбы, содружества и разобщённости людей в современном мире, что соответствует сентименталистским тенденциям в литературе второй половины XVIII в.: «дружество и вражда, два равнoсильныя въ человѣческомъ сердцѣ, производять дѣйствія, но совѣмъ против-

ныя между собою. Цѣна дружба стократно познается болѣе въ нѣдрахъ скуки, нежели посреди веселостей, хотя сей небесный даръ и завсегда преисполненъ удовольствіемъ» [11, с. 417]. Культъ дружбы является одной из форм «исповедальнаго» плана. В свою очередь, исповедальность — жанрообразующий элемент автобиографической литературы.

В противовес морскому пейзажу, в описаниях садово-парковой архитектуры большей частью преобладает использование нейтральной лексики с денотативными семантическими компонентами: «были мы еще въ находящемся подлѣ сего дворца саду, который довольно обширенъ и лежитъ на горахъ и долинахъ, въ немъ виденъ порядокъ и прибранство изрядное; украше многими водометами, статуями, цвѣтниками, бесѣдками, аллеями, множествомъ хорошихъ деревъ и пріятными гульбищами» [11, с. 632]. В письмах А. С. Шишкова особое внимание уделено изображению королевскаго сада в Копенгагене и описанию сада при дворце Медичей, относящихся к эпохе Ренессанса, в которых воплотилась преобразованная природа с главенствующей ролью человека и отразилась «наивная целостность бытія, не знающая противопоставления разныхъ его частей — мира и человека, тела и духа, чувственности и разумности...» [5, с. 79]. Во второй половине XVIII в. писатели-путешественники уделяли значительное место в своихъ сочиненияхъ описанию парков, которые они посетили.

По мнѣнію Д. С. Лихачѣва, устройство садовъ и парковъ было теснейшимъ образомъ связано не только с идеями и вкусами общества, но также с бытомъ ихъ хозяевъ, с укладомъ жизни современниковъ. Вплоть до XIX в. во всехъ стиляхъ садоваго искусства сохраняется представление о саде как о рае, Эдеме, так как онъ отражаетъ миръ «въ его доброй и идеальной сущности» [6, с. 24]. Кроме того, садовае искусство всегда было соединениемъ различныхъ искусствъ — садоводства, архитектуры, живописи и поэзии. Что касается поэзии, то она, как считаетъ исследователь, вместе с садово-парковой культурой имеетъ в каждую отдельную эпоху общіе поэтическіе принципы, общую идейно-философскую основу [6, с. 29]. Садовые постройки в каждомъ стилѣ получали особую семантическую окраску, поэтому Д. С. Лихачѣвъ связываетъ ихъ с характерными для развитія искусства в целомъ: сады барокко, сады классицизма, сады рококо, сады романтизма.

Населѣнные пункты оцениваются путешественникомъ совсемъ иначе, подходъ къ нимъ определяется социально-экономическими признаками: качество построекъ, количество населенія и уровень его жизни, благоустройство и порядокъ: «Портсмутъ городокъ хотя не большой, однакоже весьма изрядный; чистота по всюду наблюдаетсяъ превеликая, кругомъ крѣпости садъ прекрасный, по которому вечеромъ многіе прогуливаются» [11, с. 415]; «Городъ сей гораздо больше, но гораздо малолюднѣе Ливорно, построень весьма порядочно, имѣетъ въ себѣ множество домовъ хорошей архитектуры, также и церковей древнихъ» [11, с. 619]. Городъ предстаётъ не просто предметомъ описанія, но и основной композиционной единицей произведенія.

Тематику отдельныхъ писемъ определяетъ пребываніе путешественника в конкретномъ населѣнномъ пунктѣ: в первомъ письмѣ речь идёт о Копенгагене, Гелсинорѣ и Портсмутѣ; в седьмомъ — о Ливорнѣ, в восьмомъ — о Пизѣ, Лукѣ, в десятомъ —

о Тоскане и т.д. Такой тип композиционной организации фиксирует факт пребывания автора-повествователя в географическом пространстве. Так как А. С. Шишков совершал плавание на фрегате под торговым флагом по утверждённому заранее курсу, круг населённых пунктов, которые посещал и описал в своём сочинении путешественник, небольшой, в основном это торговые порты и города: Копенгаген, Ярмут, Портсмут, Ливорна, Пиза, Афины, Константинополь и прилегающие к ним населённые пункты. Все описания можно свести условно к одной общей схеме: дорога к городу – рельеф местности – строение домов. Так выстроен рассказ о Тоскане: «Проѣзжая по здѣшнимъ мѣстамъ, великое можно чувствовать удовольствіе, ибо на пути такіе представляются глазамъ предметы, на которые смотрѣть пріятно. Вся почти Тоскана состоитъ изъ одной прекрасной долины, лежащей между двумя хребтами весьма высокихъ горъ. Дороги по оной никогда не бываютъ грязны, потому что возвышены и по обѣимъ сторонамъ оныхъ идутъ каналы <...> всѣ сіи строения изъ дикаго камня преизрядно выдѣланныя, а деревяннаго нѣтъ, ниже пастушьяго шалаша <...> каждый земледѣлецъ имѣетъ свой домъ на той землѣ, которую онъ работаетъ» [11, с. 624]. Иногда добавляется перечисление основных достопримечательностей города, например, Флоренции: «Въ немъ находится архіепископство, университетъ, славная академія, преизрядная крѣпость, и весьма хорошія бібліотеки, особливо Сантъ-Лаурентская» [11, с. 625]. Таким образом, в письмах А. С. Шишкова преобладает плоскостный принцип изображения города, но вместе с тем проявляется тенденция автора к объёмности изображения. Одновременно с этим при описании материал о городе организован по тематическому принципу, что позволяет автору-повествователю систематизировать увиденное: характеристика оборонительных сооружений (стены, башни, крепости, валы), церковные достопримечательности (соборы, храмы, церкви), описание зданий, принадлежащих представителям светской власти города (королевские резиденции, дворцы), культурно-просветительные учреждения (университеты, театры, музеи, галереи) и т.п.

Следует отметить, что письма А. С. Шишкова отличаются преобладающим количеством экфрасисов, таких как храмы, соборы, дворцы, кунсткамера, галерея: «На другой день положили мы осмотрѣть кунсткамеру» [11, с. 411], «Лучшее и древнѣйшее зданіе въ семь городѣ есть соборная церковь» [11, с. 620], «На другой день пошли мы смотрѣть славную грандюкову галерею» [11, с. 628] и т.д. Данный факт свидетельствует об оценке современниками искусства как единственного, что призвано передавать душевные переживания, оттенки настроений, составляющих суть внутренней жизни просвещённого человека.

Мир души путешественника раскрывается в произведении и через лирические отступления, не связанные с пейзажными описаниями, которые разрывают повествовательную канву событий, но вместе с тем воссоздают образ автора-повествователя. Ключевым стилистическим приёмом, к которому прибегает А. С. Шишков в данном случае, является сравнение. Размышляя об особенностях жизни на море и на берегу, путешественник делает вывод, что кто «никогда морской жизни не чувствовалъ, а не видавъ ночи, не можно имѣть понятія о свѣтѣ; напротивъ того, слѣпому, который нѣкогда былъ зрячимъ, свѣтъ стократно воображается

приятнѣ, нежели тому, кто оной всегда видитъ» [11, с. 416]. Запись от 7 августа, раскрывающая мысли А. С. Шишкова о дружбе и вражде, полностью выстраивается по принципу сравнения, например: «*Можно сіи два состоянія уподобить двумъ такимъ мѣстамъ, изъ которыхъ одно свѣтлое, а другое темное*», «*Чѣмъ дальше мы отъ нашего благополучія, и чѣмъ меньше имѣемъ надежды паки онымъ наслаждаться, тѣмъ оно яснѣ намъ видится»* [11, с. 417].

Таким образом, информативность и фактологичность, присущие путевой, автобиографической и эпистолярной литературе, свободная жанровая форма, позволяющая экспериментировать с содержанием и формой текста, способствовали сближению трёх жанровых систем, что наиболее ярко проявилось на структурно-композиционном уровне произведения.

Пейзажные описания, чужая речь, вставные эпизоды, лирические отступления, диалогичность, очерки различных тематических групп вошли в арсенал наиболее используемых приёмов писателей-путешественников второй половины XVIII в. при написании путевых сочинений, цель которых была не просто воссоздать «чужое», заграничное бытие, а пропустить увиденное через свой внутренний мир и, осмыслив его, передать в новом свете читателю, предполагаемому адресату. Это, безусловно, способствовало развитию психологических тенденций в художественно-документальной литературе и индивидуально-авторских стилей. Вместе с тем информационный характер изложения в сочетании с элементами субъективного описания свидетельствует о синтезе документального и художественного повествования в эпистолярном «путешествии» второй половины XVIII в., которое будет эволюционировать в литературе XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Атарова К. Н.* Лоренс Стерн // *Sterne L. Selected Prose and Letters.* Moscow, Prigress publishers, 1981. 503 с.
- 2 *Гроссман Л. П.* Культура писем в эпоху Пушкина // *Письма женщин к Пушкину.* М.: Современные проблемы, 1928. С. 7–23.
- 3 *Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо второй половины XVIII в. как явление литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 19 с.
- 4 *Левкович Я. Л.* Письма // *Пушкин. Итоги и проблемы изучения.* М.; Л.: Наука, 1966. 352 с.
- 5 *Лекции по истории эстетики: в 4 кн. / под ред. М. С. Кагана.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. Кн. 1. 206 с.
- 6 *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: «Согласие», ОАО «Тип. «Новости»», 1998. 356 с.
- 7 *Логунова Л. В.* Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Дону, 2001. 167 с.
- 8 *Макогоненко Г. П.* Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс // *Письма русских писателей XVIII века.* Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. С. 3–42.
- 9 *Степанов Н. Л.* Дружеское письмо начала XIX в. // *Русская проза.* Л.: Academia, 1926. С. 74–101.

- 10 *Травников С. Н.* Особенности морского пейзажа в путевых записках конца XVII – начала XVIII века // Литература Древней Руси. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1986. С. 103–115.
- 11 *Шишков А. С.* Русский путешественник прошлого века за границей (Собственно-ручные письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 гг.) / сообщ. И. В. Помяловский // Русская старина. 1897. Т. 90, № 5. С. 409–423; № 6. С. 619–632; Т. 91, № 7. С. 197–224.

* * *

Topolova Olga Sergeevna,
post-graduate student,
Ryazan state University named after S. A. Esenin,
46 Svoboda Str., 390000 Ryazan, Russian Federation
 E-mail: topolova.olga@yandex.ru

**«RUSSIAN TRAVELER OF THE LAST CENTURY ABROAD
 (AUTOGRAPH LETTERS OF SHISHKOV OF 1776-1777)»:
 FEATURES OF EPISTOLARY «TRAVEL»**

Abstract: The article tells about the main features of structural-compositional epistolary «travel» writing in the second half of the XVIII century on the example of «The handwritten letters of A. S. Shishkov in 1776–1777»). Travel writing by A. S. Shishkov belong to the intimate-friendly varieties of informal letters that developed in this period. The formation of new types of writing, such as epistolary «travel», epistolary travel essays and epistolary novels began simultaneously with this process in the second half of XVIII century. The work of A. S. Shishkov combined traditions of three genre systems — autobiographical, travel and epistolary literature, which is reflected in the plot-compositional structure. Landscape descriptions, speech reporting, inserted episodes, lyrical digressions, dialogues, essays of various thematic groups are actively used by A. S. Shishkov, when writing «The Handwritten letters». The purpose of the work is not just to recreate the «alien», foreign life, but to filter everything he saw through his inner world, and, while interpreting it, to show it to the reader, the intended recipient, in a new light. This contributed to the development of psychological tendencies in the artistic and documentary literature and individual author's styles.

Keywords: autobiographical, travel and epistolary literature, letters, epistolary «travel», structural organization, travel sketch, A. S. Shishkov.

REFERENCES

- 1 Atarova K. N. Lorens Stern [Laurence Sterne]. *Sterne L. Selected Prose and Letters.* Moscow, Prigress Publ., 1981. 503 p.
- 2 Grossman L. P. Kul'tura pisem v epokhu Pushkina [The culture of letters in the age of Pushkin]. *Pis'ma zhenshchin k Pushkinu* [Women letters to Pushkin]. Moscow, Sovremennye problemy Publ., 1928, pp. 7–23.

- 3 Lazarchuk R. M. *Druzheskoe pis'mo vtoroi poloviny XVIII v. kak iavlenie literatury* [Friendly letters of the second half of the eighteenth century as a phenomenon of literature]: *avtoref. st. kand. filol. nauk* [dissertation abstract for PhD in Philology]. Leningrad, 1972. 19 p.
- 4 Levkovich Ia. L. Pis'ma [Letters]. *Pushkin. Itogi i problemy izucheniia* [Pushkin. Results and problems of study]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 352 p.
- 5 *Lektsii po istorii estetiki: v 4-kh kn. / pod red. M. S. Kagana* [Lectures on the history of aesthetics, 4 vol., ed. by M. R. Hagan]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta Publ., 1973. Book 1. 206 p.
- 6 Likhachev D. S. *Poeziia sadov. K semantike sadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst* [Poetry of gardens. On the semantics of landscape styles. Garden as text]. Moscow, «Soglasie» Publ, OAO «Tipografia «Novosti»» Publ., 1998. 356 p.
- 7 Logunova L. V. *Epistoliarnyi zhanr v russkoi literature vtoroi poloviny XVIII – pervoi treti XIX vv.* [Epistolary genre in Russian literature of the second half of the eighteenth – and early nineteenth centuries]: *dis. ... kand. filol. nauk* [dissertation for PhD in Philology]. Rostov-na-Donu, 2001. 167 p.
- 8 Makogonenko G. P. Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka i literaturnyi protsess [Letters of Russian writers of the eighteenth century and the literary process]. *Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka* [Letters of Russian writers of the eighteenth century]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1980, pp. 3–42.
- 9 Stepanov N. L. Druzheskoe pis'mo nachala XIX v. [Friendly letters of the beginning of XIX century]. *Russkaia proza* [Russian prose]. Leningrad, Academia Publ., 1926, pp. 74–101.
- 10 Travnikov S. N. Osobennosti morskogo peizazha v putevykh zapiskakh kontsa XVII – nachala XVIII veka [Features of the seascape in the travelogues of the end of XVII – beginning of XVIII century]. *Literatura Drevnei Rusi* [The literature of old Russia]. Moscow, MGPI im. V. I. Lenina Publ., 1986, p. 103–115.
- 11 Shishkov A. S. Russkii puteshestvennik proshchlogo veka za granitse (Sobstvennoruchnye pis'ma A. S. Shishkova 1776 i 1777 gg.) [Russian traveler of the last century abroad (Handwritten letters of A.S. Shishkov of 1776-1777)], *soobshch. I. V. Pomialovskii* [reported by I. V. Pomianowsky]. *Russkii starina* [Russian old times], 1897, vol. 90, no 5, pp. 409–423; no 6, pp. 619–632; vol. 91, no 7, pp. 197–224.